

Я.А. Яковлев

**Русский анархизм в великой
Русской революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я.А. Яковлев**
Русский анархизм в великой Русской революции / Я.А. Яковлев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-518-00466-5

ISBN 978-5-518-00466-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

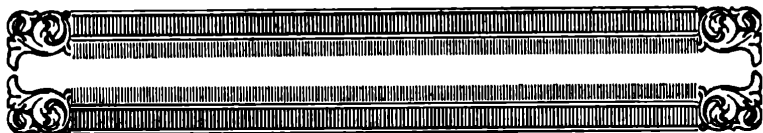
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В в е д е н и е.

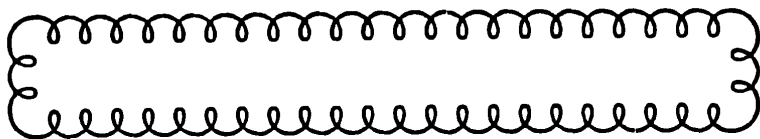
Русскому анархизму от рода чрезвычайно немного лет. Анархизм не имел глубоких корней в революционном движении 5—6 г.г. В первой русской революции он выступал без определенной программы и тактики, не захватив своим влиянием рабочих масс. Некоторое значение, больше бунтарское, чем революционное, он имел только в некоторых пунктах Западной России и Урала.

При боевой проверке революционных сил в последовавшие годы реакции, анархистов налицо не оказалось ни в одном пункте России. Вождь русского анархизма Кропоткин во время войны превратился в агента Антанты, поддерживал всемерно правительство Пуанкаре во Франции, призывал русских рабочих поддерживать царскую власть, после февральской революции активно защищал кадетские элементы во временном правительстве.

Не с'играли они никакой роли и в период февральской революции 17-го года. В октябрьские дни основной задачей была задача разрушения и уничтожения капиталистического государства — аппарат буржуазного общества необходимо было разбить во что бы то ни стало. Русский рабочий класс выполнил эту задачу с величайшей организованностью, сознательностью и выдержкой. Анархисты хотя и не выявили в этой работе разрушения своего собственного лица, но не мешали ей и в целом шли вместе с рабочими России. По существу, историю русского анархизма, как активного фактора революции и контр-революции, можно вести с весны 18-го года. Наша узкая задача — дать въ настоящей брошюре очерк развития теории и практики русского анархизма в Великой Русской Революции, — благодаря этому превращается в значительной мере в очерк развития всего русского анархизма...

Мы извиняемся заранее перед теми нашими заграничными товарищами революционерами, ухо которых будет резать употребление слова „анархист“ в сочетаниях совсем не революционных. Тут вина не наша. Вина тут в том объективном факте, что русский анархизм, не имея корней в русском рабочем движении, превратился в России в одно из течений в средних и зажиточных слоях крестьянства. Западно-европейскому рабочему, представление которого об анархизме связано с революционно-профессиональным движением, трудно понять это своеобразное явление. Мешает этому и незнание русских условий. Поэтому мы просим таких товарищей особенно внимательно отнестись ко всем тем местам брошюры, которые выясняют связь русского анархистского движения с ходом развития идеологии зажиточного крестьянства в России.

Также просим неуклонно помнить, что открытая борьба Советской власти с русскими кулацко-анархистскими элементами вовсе не означает борьбы III Интернационала с западно-европейскими революционными анархо-синдикалистами. У европейских анархо-синдикалистов, конечно, свои „шейдемановские“ и центристские крылья. Но масса их, связанная с рабочими массами, при всех своих теоретических заблуждениях, представляет собой революционную силу, которой по пути только с Коммунистическим Интернационалом.

ГЛАВА I.

„Единый“ Анархизм.

Весной 18 года, положение Советской России усложнилось чрезвычайно. Брестский мир сдавил рабочую Республику со всех сторон, отрезал ее от угля, нефти, хлеба. Антанта начала свое наступление с Севера и Востока. В таких неслыханно трудных условиях необходимо было переходить от задач разрушения капиталистического аппарата к задачам хозяйственным, творческим, строительным. Во весь рост перед рабочими России встали трудности организации продовольственного дела. Вырисовалась задача организации силами рабочего города — беднейших элементов деревни. От лени, разгильдяйства, от революционной распущенности, — неизбежных при ломке всех старых общественных отношений, — необходимо было переходить к революционной дисциплине труда, самодисциплине, усиленной работе на захваченных у капиталистов заводах и фабриках. „От революционной распущенности — к революционной дисциплине, от задачи разрушения — к задачам созидания, от задачи конфискации — к задачам учета и контроля“, — таковы были лозунги всего пролетарского авангарда весной 18 года, в тяжелые дни Брестского мира. Эти задачи оказались безмерно более трудными, чем задачи разрушения. Они потребовали от рабочих масс гораздо больше сознательности и выдержки. Более того, эти задачи, в огромной степени, стоят перед нами и в 1921 году.

Против этих задач решительно выступает повсеместно „Федерация анархистских групп“. Федерация анархистских групп, представлявшая объединение анархистов различных оттенков, программ и направлений, выступает с огромным напряжением против всяких попыток советской власти, Коммунистической Партии и профессиональных союзов ввести ре-

волюционную дисциплину труда и поднять бедняков деревни против деревенской буржуазии. Лень, неумение работать, безразличное отношение к выполняемой задаче, качества, доставшиеся русскому рабочему в наследство от старой царской фабрики — тюрьмы, вступили в непримиримое противоречие с необходимостью во что бы то ни стало приступить к организации производства на новых социалистических началах. В этом конфликте анархисты заняли вполне определенное место, и это впервые точно определило их место в русской революции.

В апреле 18-го года советская власть издает постановление о железнодорожном труде. Постановление имеет целью начать борьбу с развалом на железных дорогах, с стовластием на каждом участке пути. Постановление одобряется происходящим Всероссийским Совещанием железнодорожных рабочих комитетов. Но это не одобряется анархистами. Анархисты повсеместно пробуют начать организацию наиболее несознательных элементов железнодорожников на почве борьбы с идеей революционной дисциплины труда. Профессиональные союзы намечают целый ряд мер борьбы с шкурничеством, мешечничеством и разгильдяйством. Вся сознательная рабочая масса поддерживает на этом пути и профессиональные союзы и Советскую власть. „Единый“ анархизм об'являет соответствующие постановления советов и профсоюзов „возвратом царской палки“.

Рабочий класс России получил в наследство от буржуазии огромную, окончательно разложенную, армию. Эта армия была не в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление наступлению германского империализма и Антанты. Первые попытки сопротивления наступлению войск Вильгельма на Западе оказывают отдельные партизанские отряды из самоотверженных революционеров рабочих. Эти отряды чрезвычайно скоро обнаруживают и свои сильные и свои слабые стороны. Силу им давали героизм, порыв, увлечение, революционный энтузиазм, преданность рабочему делу. Слабость их была в разрозненности, недисциплинированности, несвязанности друг с другом, отсутствии общего командования, отсутствии регулярного снабжения. Каждый отряд прекрасных революционеров рабочих выступал на фронт, когда хотел, брал снабжение, где мог и где хотел, воевал столько, сколько мог и сколько ему хотелось, отправлялся на фронт теми путями, какие сам выбирал. Такими отрядами сопротивляться одно-

временному наступлению Германии и Антанты было невозможно. Советская власть и Коммунистическая Партия намечает и железной рукой начинает проводить ряд мер по дисциплинированию и по организации отдельных отрядов, по введению единого командования, по установлению единого снабжения. Против каждой такой попытки анархисты развивают бешеную агитацию. Германский империализм, Антанта и русская контр-революция наводняют нашу армию своими агентами, ведут агитацию за разложение красной армии, дезертирство, измену советской власти. Это требует решительных мер нашей обороны против контр-революции. Анархисты объявляют расстрел предателя на фронте покушением на октябрьскую революцию. Всякий отряд, осевший мирно в Москве и не желающий идти на фронт, берется под покровительство анархистами. Всякий отряд, объясняющий свое нежелание идти на фронт тем, что у него осталась еще „работа в тылу“, объявляется анархистами „своим анархистским отрядом“. Так было в Екатеринославе, Харькове и Ростове. Екатеринослав в ночь на 4-ое апреля 18 года был занят войсками Кюльмана и Гинденбурга, а 2-го апреля анархистский отряд занимал город, арестовывал Совет, арестовывал отдельных большевиков, видя в этом чрезвычайно революционное дело. При отступлении от немцев, любой отряд, бывший дальше всего от фронта, больше всего заботившийся о немедленной перекочевке буржуазных сундуков к себе, гордо именовал себя „анархистами“. Это, конечно, не исключало ряда случаев героизма подлинных анархистов, борющихся честно на фронте против сил германского империализма. Но Советы и Коммунистическая Партия были бы собственными могильщиками, если бы случаи героизма анархистских отрядов, или отдельных анархистов на фронте заставили их уклониться от задачи превращения партизанских отрядов в красную армию. Анархисты желают увековечить партизанщину, которая к моменту Брестского мира уже становится не силой, а слабостью Революции. На борьбе за сохранение партизанщины они мобилизуют против советской власти, против Советов наиболее разложившиеся элементы партизанских отрядов.

Во имя спасения себя от абсолютного голода, рабочий класс России ставит своей задачей поднять к власти, организовать, привлечь к себе на помощь самые забытые, наиболее угнетенные и подавленные слои крестьянства — его бедней-

шие слои. Против этого деревенский буржуа и спекулянт. Кадр спекулянтов усиленно пополняется разложившимися элементами из разных партизанских отрядов и деклассированными элементами города. Анархисты выступают яростными защитниками спекулянтов, с одной, и деревенских буржуа, с другой стороны. Каждый случай обиды спекулянта раздувается ими всемерно. Всякая попытка ограничения свободы спекуляции и торговли объявляется покушением на свободу. Рабочие тысячами направляются в деревни, где поднимают беднейшие слои крестьянства к власти. Деревенская буржуазия поднимает знамя восстания против советской власти. „Анархия“, орган Московской федерации анархистских групп, из номера в номер начинает вести агитацию против каких бы то ни было продовольственных отрядов, против каких бы то ни было мер борьбы со спекуляцией. Видя, что наиболее сознательные слои рабочего класса идут за коммунистами-большевиками, анархисты начинают возлагать все свои надежды на крестьянство. Так, передовая статья газеты „Анархия“ в № 64 заканчивается угрозой коммунистам: „Деревня скоро скажет свое грозное слово большевикам: — долой!“. Анархист Атабекьян в той же газете „Анархия“, № 67, говорит прямо, что „анархисты, взяв под свою защиту мешечников, в сущности отстаивают свободную торговлю, как и кадеты“...

Идеологи сельской буржуазии — левые эсеры то же пытаются сделать в городе. Рабочие отряды идут в деревню на помощь трудовому беднейшему крестьянству — против деревенских буржуа.

И в отношении к красной армии, и в отношении к пролетарской дисциплине, и в отношении к крестьянству, — мы не видим еще определенной программы. От случая к случаю, от одного декрета к другому, определяют анархисты свою позицию. Но со дня на день, по мере выяснения всех трудностей, которые стоят перед рабочим классом России, их позиция становится все яснее и яснее. Ее заключительная формулировка дается „Буревестником“ (органом Петроградской федерации анархических групп): „или так называемая демократическая республика или коммуна. Средины нет. Советская республика абсурд“ (№ 57 — от 27 апреля 1918 г.). В этой формулировке уже имеется зародыш будущей теории анархистов о немедленном переходе, скачке из старого помещичьего капиталистического государства к безвластному обществу.

Неудивительно, что, при таких построениях в области „теории“, анархисты в городах становятся центром притяжения для разложившихся элементов партизанских отрядов, для уголовных, для дезертиров красного фронта. Наводнению анархистских организаций подобными элементами содействует структура их организации. Анархистские федерации объявляют буржуазной выдумкой всякую регистрацию членов, контроль над своим составом, дисциплину в своих рядах. В Москве анархистская федерация объединяет около полутора десятка различных групп и несколько отрядов „черной гвардии“. В результате таких организационных принципов уголовным элементам удастся прекрасно использовать анархистскую марку для грабежей, под видом обысков и реквизиций, производимых „черной гвардией“. С прилипающими к ней бандитами федерация отказывается бороться. Для оправдания такого отказа создаются, конечно, соответствующие теории. Наиболее вышукло такая теория оправдания непротивлению грабителям сформулирована в „Анархии“ № 25: „Что может делать федерация? Бороться с преступниками? Нет. По нашему надо бороться с преступлением, надо искоренить те причины, которые делают возможными такие явления... В чем наша вина? Мы не боремся с ворами грабителями, которые злоупотребляют нашим именем, позорят и грязнят нас? Нельзя же нам в самом деле бороться с воров, который ворует в воровском обществе“...

Одни группы, заявлявшие отдельные особняки в Москве и Петрограде, целиком захватываются ворами и грабителями. Другие собирают в своем составе большее или меньшее количество уголовных. Московская федерация, конечно, знала, что многие червогвардейцы, посланные ею для обысков и конфискации, совершают кражи и грабежи. Зная это, она не предприняла никаких мер, ни для очищения групп и частей групп, занимавшихся грабежами, ни для разоружения „черной гвардии“. Анархистская организация превратилась в своеобразную церковь средних веков, пройдя врата которой преступник делался неприкосновенным. Солидаризация федераций с отдельными грабителями, носящими анархистское звание, заходит так далеко, что после ареста видного экспроприатора Кебурье, разгромившего бельевой склад Всероссийского Земского Союза, Московская федерация предъявила ультиматум об его освобождении. Москва и Петроград заливаются волной уголовщины, не различающей богатых и бедных. В ряде городов:

в Екатеринославе, Ростове, Брянске анархистская федерация освобождает уголовных из тюрем. В Брянске эта операция освобождения из тюрьмы всех убийц, воров и хулиганов проводится 1-го мая. В итоге, — через несколько часов весь город был захвачен волной грабежей. А „Вестник Анархии“, орган Брянской федерации анархистов писал по этому поводу с видом исключительно наивным: (№ 2 от 23 мая 18 г.).

„Мы, анархисты, всегда стремимся уничтожить тюрьмы. Раз мы говорим на словах, — так мы должны и делать. Путем действий мы должны осуществлять идеал анархии. Мы не большевики, чтобы говорить одно, а делать другое... Вы, господа коммунисты, говорите, что мы выпустили убийц, воров, хулиганов, а я спрошу вас: — „Кто их сделал ворами, хулиганами и убийцами, как не капиталистический строй, как не государство с его полицией, милицией, жандармерией, комиссариатами, армией — социалистической армией?“

Идейные анархисты совершенно бессильны справиться с заливающим их бандитизмом. В каждом номере своего органа с конца марта 18 года Московская федерация заявляет:

„За последнее время замечается злоупотребление именем федерации анархистских групп. Неизвестные личности отбирают кошельки, производят угрозы с целью вымогательства, обыски, аресты и т. д., пользуясь именем федерации“.

И несмотря на это признание, печатаемое из номера в номер, ни одного случая исключения анархистами из федерации вора и грабителя, ни одного случая разоружения бандита, никаких попыток бороться с контр-революционными элементами „черной гвардии“.

В итоге такой работы в ночь с 11 на 12 апреля советская власть принуждена произвести пересмотр всех захваченных анархистами особняков, арест всех уголовных и привлечение к ответственности ряда идейных вождей федерации за укрывательство уголовных и бандитов. Подобное же разоружение и освобождение анархистских федераций от уголовных было сделано Советами рабочих депутатов в ряде других городов.

За уголовными тянутся белогвардейцы. Это и понятно, — врагам рабочего класса, капиталистам всего мира выгодно разложение рабочего класса, превращение творящей новую жизнь революции в бандитизм и грабеж. Федерация в ряде номеров своего органа констатирует этот факт, заявляет о своей готовности с ним бороться, но также оказывается бес-

сильной что бы то ни было предпринять против черезчур большого влечения белых к анархистской организации.

„Анархия“, № 34, в своей передовой статье писала:

„За последнее время злоупотребления принимают угрожающие, устрашающие размеры... Нашим именем совершаются гнусности, подлости, низости, убийства, грабежи... Видно ясно, что это не случайные, единичные, между собой не связанные, индивидуальные явления; явно чувствуется „белая ручка“. Злоупотребления систематизированы. Это гнусная, черная, темная работа белой гвардии. Среди грабителей огромный процент бывших кадровых офицеров и людей с высшим образованием... Четко вырисовывается картина провокационной контр-революционной деятельности — здесь работает контр-революционная организация. Были сделаны с их стороны попытки войти в контакт с федерацией. После ряда неудачных попыток и отвергнутых нами предложений они, наконец, решились действовать самостоятельно, и они действуют“.

В этом признании характерны попытки, даже неоднократные, грабителей, белогвардейцев и офицеров столкнуться с русским „единым анархизмом“. Еще характернее, конечно, то, что, несмотря и на это признание, ни одного случая расправы с белыми, пользующимися анархистским именем, ни одного случая помощи Советской власти в их ликвидации.

Большая чрезвычайно много о свободе, о великих лозунгах октябрьской революции, неуклонно противопоставляя большевиков „нынешних“ — большевикам „прежним“, задачи социализма, дисциплины — задачами разложения и разрушения, „единый анархизм“ оказывается не в силах приобрести какое бы то ни было влияние в рабочих организациях. Их представителей нет в Советах, в заводских комитетах, профессиональных союзах.

Наиболее характерно — это полное бессилие, растерянность, никчемность, негодность анархистов к какой бы то ни было творческой работе. Читая теперь анархистскую прессу того периода, невольно поражаешься именно этой чертой. Рабочий класс захватил в свои руки заводы и фабрики, уничтожил власть буржуазии, неужели у анархистов не нашлось ни одной творческой задачи в Советской республике? Судя по их газетам, по питерскому „Буревестнику“, по московской „Анархии“ ни одной такой задачи русские анархисты не осознавали. Вопросы о тактике в пролетарском государстве не по-

ставили. Вопросы о необходимых изменениях программы анархистских действий в Советской республике по сравнению с республикой буржуазной не осмыслили ни в какой мере. Это непонимание роли рабочего государства, непонимание необходимости радикальным образом пересмотреть все анархистские позиции в новых условиях — является одной из основных причин разложения русского анархизма.

„Единый анархизм“ весны 18 года действовал до известной степени по инерции. Анархисты при правительстве Керенского восставали совместно с большевиками против смертной казни, применявшейся буржуа к рабочим. Весной 18 года они продолжают протестовать против смертной казни, они пишут негодующие статьи против расстрела изменника адмирала Щасного, забывая, что в новых условиях смертная казнь является средством самозащиты рабочего класса против нападения буржуа. При правительстве Керенского и большевики и анархисты захватывали явочным порядком помещения, которые не хотела предоставлять им буржуазия. Анархисты продолжают делать то же в период диктатуры пролетариата, совершенно не желая считаться с тем, что после национализации всех крупных домов задача уже не в том, чтобы захватывать эти дома у самих себя, у своего рабочего государства, а в том, чтобы правильно использовать их и распределить.

Анархисты и большевики протестовали против посылки правительством Керенского казачьих отрядов для умирения крестьян, захватывавших помещичью землю. Большевики тоже посылают отряды в деревню, но это отряды из лучших революционных рабочих и идут они в деревню в помощь бедняку против помещика и деревенского кулака. Анархистам наплевать на это, — они кричат против большевистского насилия над деревней.

Они ставят знак равенства между революционной самодисциплиной рабочего класса и дисциплиной казачьей нагайки. Они ставят знак равенства между правительством буржуазии и правительством рабочего класса. В этом неумении пойти в ногу с пролетариатом России в его творческих задачах — основная причина того, что русский анархизм оказался в рядах белогвардейско-бандитской организации.

12-го апреля заканчивает первый период развития „русского анархизма“. Этот период „валлий - анархизма“ дорого обошелся русскому анархизму. Позиция, занятая